

Край
мира

КРОХ ИДЕАЛЫ

текст Тата Олейник

иллюстрация Сергей Бабич

тот мир – серый. Главное, что нужно знать о мире – он бесцветен, он лишен красок, и радуга существует лишь в наших глазах и голове, потому что именно так мы приспособились определять степень освещенности поверхности с той или иной структурой. Цвет – явление чисто психофизиологическое. И семь основных цветов спектра мы видим потому, что палочки-колбочки нашей сетчатки обладают ограниченным числом фоточувствительных пигментов. Вот речные раки способны видеть в десять раз больше цветов – эти членистоногие существуют в реальности, полыхающей таким богатством красок, которое мы даже представить себе не можем, ведь если бы мы могли представить себе некий невиданный цвет, мы были бы способны его и увидеть. Впрочем, семь цветов – это тоже немало, это все равно на семь больше, чем их реально существует. (И вообще – нет никакой причины дробить спектр именно на семь цветов. Просто Нью顿 видел особую красоту в числе 7, оттуда и пошла традиция выделять 7 цветов радуги).

Имеет ли смысл ругать ребенка, красиво-прекрасиво разрисовывающего белую стену в гостиной? Совершенно бессмысленно. Во-первых, оставить в одном помещении коробку красок, трехлетку и белую стену – это задача без неизвестных, знаете ли. Во-вторых, ребенок все равно ничего не поймет, он же сделал красиво, а что понятия красоты у взрос-

лых совсем другие, он мог представить себе не больше, чем мы – цветовую вакханалию в голове рака.

Красоты на самом деле тоже не существует, как и семи цветов. Симметрия – пожалуйста, асимметрия – сколько хотите, гравитация – есть, темная материя – есть, постоянная Планка – есть, красоты – нет. Потому что это тоже чисто человеческое, да еще и очень нестабильное изобретение. Может ли человек быть уверен, что все люди видят точно такие же цвета, как он? Может быть, ваш оранжевый – это на самом деле синий, а синий – белый, а белый – черный? Проверить-то это никак нельзя. Не исключено, что люди вокруг вас на самом деле всю жизнь едят синие апельсины и считают это нормальным.

Полезная красота

С красотой все же проще. Есть вещи, которые в более или менее схожих культурах люди договорились считать красивыми. Например, Венеру Милосскую и кошечек.

Но почему Венера – красива? Потому что она здоровая женщина в самом расцвете сил и, если не считать отсутствия рук, не имеет явно выраженных дефектов?

Жан-Поль Сартр в автобиографической книге «Слова» писал про своего дедушку: «Шарль не понимал, кто красив, кто нет, – он путал красоту со здоровьем. С тех пор как его жена хворала, он искал утешения у дюжин идеалисток, усатых и цветущих – кровь с молоком».

Большинство людей отличается в этом от дедушки писателя — красота и здоровье для нас понятия все же не идентичные.

Но, возможно, утилитарный подход к красоте имеет право на существование. Явные признаки болезней или, скажем, следы недавних катастроф и несчастий — редко считаются зреющим, радующим глаз.

Но и признание красивым только того, что здорово, полезно и крепко сделано — свидетельство, как минимум, ограниченного вкуса.

Над этим давним спором мещан-филистеров и поклонников живописности в свое время посмеялась Джейн Остин, поместив в романе «Чувство и чувствительность» следующую сцену:

«— Красивый вид мне нравится, но не тем, что слышит живописным. Корявые, искривленные, разбитые молнией деревья меня не восхищают, я предпочитаю видеть их стройными, высокими, непокалеченными. Мне не нравятся ветхие, разрушающиеся хижины. Я не слишком люблю краину, речи и бурьян, пусто цветущий. Добротный фермерский дом радует мой взгляд более сторожевой башни, и компания довольных, веселых поселен мне несравненно больше по сердцу, чем банда самых великолепных итальянских разбойников.

Марианна поглядела на Эдварда с изумлением».

И ведь на самом деле, часто общепризнанными образцами красоты и гармонии становятся вещи абсолютно бесполезные, а в чем-то даже вредные.

Возьмем, например, главный символ Японии — гору Фудзияма, которую японцы считают эталонным

страдающему от нехватки площадей. Но что-то мы не видим собраний картин под названием «Сто самых красивых видов фурункула».

Разрушающая царства

С женской красотой еще сложнее. Любая формула «золотых соотношений» со временем начинает казаться шаблонной, любая симметрия — банальной и навязчивой. Лицо Одри Хепберн — исключительно симметрично, лицо Мэрилин Монро — сплошная асимметрия. И обе они — идеалы своей эпохи. Трудно найти недостатки, порока внешности, которые когда-нибудь где-нибудь не считались бы совершенной красотой.

Ожирение? Вот, пожалуйста, описание несравненных красавиц из «Тысячи и одной ночи»: «живот ее казался морскими волнами или горой свернутых папирусов, уложенных один возле другого. Бедра ее — как кучи песка, которыедерживают ее, когда она хочет встать». Вылезшие брови и волосы? В XV веке красавица-фламандка непременно сбивала себе брови и волосы со лба чуть не до макушки, чтобы лоб казался выше. Косолапость? Ученниц японских гейш, майко, до сих пор учат изящно косолапить. Плохие зубы? Черные, покрытые окисью железа зубы были важным признаком красоты в средневековой Японии эпохи Хэйан: «Принц был невероятно хорош собой, зубы у него были по-порчены, и когда он смеялся — казались вычерненными» (из «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу). Оттопыренные уши? Без них ни одна китайская красавица не могла считаться совершенством: розовый свет солнца, проходящий через оттопырен-

ПРУДНО НАЙТИ НЕДОСТАПКИ, КОПОРОЕ КОГДА-ТО НЕ БЫЛИ БЫ ИДЕАЛОМ

воплощением прекрасного. Что полезного для японцев в ней? Насколько больше пользы могла бы принести Фудзи в виде расправленном, ровном и покрытом толстым слоем плодородной почвы, которой так не хватает в этом kraю гор и камней!

Хорошо, Фудзияма симметрична, ее вершину, на которой лежит красиво снег, эффектно освещает солнце, а в пору осеннего любования красными листвами кленовые рощи Фудзи влекут к себе тысячи и тысячи любителей этого зрелица.

Но посмотрим теперь, скажем, на зрелый фурункул. Он тоже симметричен, играет дивными красками, а вреда от него гораздо меньше, чем от огромной горы, мешающей разрастаться большому городу,

ные ушки, считался самым прекрасным эротическим зреющим.

А вот знаменитый «список аббата Брантома», Пьера де Бурдейля — французского хрониста, в XVI веке составившего список примет идеальной красавицы. Он отмечал, что у идеальной красавицы веки — черные, губы — тонкие, грудь — маленькая, тело — длинное (соответственно, вероятно, ноги — короткие), а руки — полные. При виде самых совершенных творений современных пластических хирургов аббат Брантом, несомненно, вознес бы хвалу небесам за то, что не родился в столь безнадежном веке. Особенно губы модного размера ему бы приглянулись, надо думать. Кстати,

в Юго-Восточной Азии именно тренд на увеличение губ не нашел никакого понимания у потенциальной аудитории. Золотой стандарт региона – ротик у красавицы должен быть крошечным – там актуален до сих пор. И до такой степени актуален, что барышни и в XXI веке предпочитают смеяться, прикрывая рот ладошкой, а в токийских закусочных специально для женщин предлагаются упаковки гамбургеров с выступающей стороной коробки, которая, как веером, прикрывает широко разинутую пасть красавицы, впивающейся в многоэтажный бутерброд.

А вот точный (хотя слегка урезанный) перечень примет красоты, который совершенно необходим

стиногие образцы совершенства заполнят тамошние подиумы. Привет тебе, аббат Брантом!

Красота – это то, что привычно?

Большинство портретов знаменитых красавиц и красавцев современного человека, положа руку на сердце, разочаровывает. Носатый профиль Клеопатры на монетах или полное отсутствие подбородка у статуи Филиппа Красивого вызывают даже некоторую грусть. Конечно, времена и вкусы изменились, но не настолько же! Впрочем, из этого правила есть и исключения – Венера Ботичелли была бы прекрасна и в джинсовой мини-юбке, а Нефертити могла бы иметь успех в Голливуде. Портреты этих

ДРОБИТЬ СПЕКТР НА СЕМЬ ЦВЕТОВ НЕТ ПРИЧИНЫ, ПРОСТО НЬЮТОН ВИДЕЛ КРАСОПУ В ЧИСЛЕ 7

для наложницы дайме в Японии XVII века, с этим списком доверенные лица прочесывали все крупные города, выбирая из тысяч претенденток ту самую, совершенную. «Лицо довольно округлое, нежно-розового цвета, подобно лепестку вишни. Брови непременно густые. Переносице не следует быть слишком узкой, а линия носа должна повышаться плавно. Уши продолговатые, мочки тонкие, чтобы сквозили до самого корня и не прилегали плотно к голове. Очертания лба не должны быть искусственными, пусть волосы на нем растут так, как от природы положено. Шея стройная, и чтобы пряди из прически сзади не выбивались. Размер ног установлен в восемь мон и пять бу (19 см). Большие пальцы на ногах должны отгибаться в сторону, кожа на пятках прозрачная. Талия длиннее обычного, бедра крепкие, не мясистые, задок пухлый» («Ихара Сайкаку. История любовных похождений одиночной женщины»).

Зачем японским князьям было нужно, чтобы большие пальцы на ногах отгибались в сторону? А затем, что искать логику в прекрасном, как мы уже выяснили, не приходится. Можно вспомнить и искалеченные культи китаянок, и вытянутые кольцами шеи красавиц племени падаунг в Таиланде, и вставленные в губы тарелки у африканок, – все это когда-то считалось бесконечно красивым, а потом, к счастью, перестало. Но кто знает, что нам готовит грядущая эра трансгуманизма, может, лет через триста истинная красота будет в дополнительно имплантированных конечностях, и восьмирукие шеи

красавиц сделаны с настоящих живых моделей. Для образа Венеры, вероятнее всего, Ботичелли использовал внешность знаменитой флорентийской красавицы Симонетты Веспуччи. Может ли наше восприятие быть связано с тем, что все мы с детства привыкли держать эти знаменитые портреты в голове как образец прекрасного?

С другой стороны, «Джоконда» – еще более известна, но глазки у Моны Лизы все равно кажутся нам очень маленькими.

Эталоны уродства

Можно задаться вопросом – а есть ли в мире что-нибудь, что подавляющее большинство обитателей нашей планеты назовет безусловно и явно уродливым? Гнойная язва? Коврик с лебедями? Дохлая крыса? Дохлых крыс и живописных язв, например, сколько хочешь на картинах Босха, но картины эти считаются прекрасными.

Ржавчина, плесень, гниение – все может поражать великолепием фактур и красок, особенно под микроскопом. Какой-нибудь забытый на пару месяцев гороховый суп можно спутать с шикарным снимком галактики и застыть перед ним восхищенно как перед апофеозом творенья.

Видимо, в нашем мире все уродливо и все бесконечно прекрасно. Все относительно – как с цветом. Нам ведь совершенно неважно, что на самом деле никакого цвета нет. Но есть мы, и у нас есть глаза, и наше дело – самим решать, что именно мы хотим ими видеть. Хотим красоты? Будет нам красота! ☺